

ПОЕЗД ПЕРЕМЕН

Станислав Сергеев

Станислав Сергеев

Поезд перемен

«Автор»

2026

Сергеев С. Е.

Поезд перемен / С. Е. Сергеев — «Автор», 2026

"Поезд перемен" Станислава Сергеева – это пронзительная история о Катерине Морозовой, которая, казалось бы, исчерпала все силы в борьбе с жизненными невзгодами и разочарованиями. Но судьба дарит ей шанс: билет на поезд, ведущий в другую реальность. Там, среди незнакомых людей и их историй, Катерина находит вдохновение и понимает: даже в самых тёмных временах можно найти свет и изменить свою жизнь, если только не опускать руки.

© Сергеев С. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Станислав Сергеев

Поезд перемен

Пролог

Эта поразительная повесть, подобно нити, вытягивающейся из клубка, прошла через множество рук, прежде чем достигла меня. Началось всё с машиниста, который услышал её от своего помощника, тот — от знакомой сотрудницы станции, а она — от своей коллеги. Впрочем, сама эта цепочка передачи информации, как и неспешное развитие событий, не имеет решающего значения. Главное — то, что, несмотря на всю свою кажущуюся невероятность, эта история глубоко тронула меня. Я почувствовал необходимость вновь встретиться с тем самым машинистом, чтобы кратко зафиксировать его рассказ и поделиться им с вами.

История берёт своё начало в поселении Подсолнечное. Этот населённый пункт возник словно из ниоткуда, когда через эти земли проложили железнодорожную магистраль. Сама станция, где трудились большинство местных жителей, также носила имя Подсолнечная. Деревня находилась вдали от городской суеты, поэтому её скромная, но вполне функциональная инфраструктура включала детский сад, небольшую школу, несколько магазинов и даже кинотеатр. Однако, как это часто бывает, молодёжь не задерживалась здесь надолго, стремясь к новым возможностям.

Станция Подсолнечная жила своей размеренной, но при этом насыщенной жизнью. Три направления — северное, южное и солнечное — задавали ритм этому небольшому железнодорожному миру. Север и юг служили артериями, по которым ежедневно проходило около сорока поездов. Здесь, на Подсолнечной, происходила важная трансформация: северные составы сбрасывали свои мощные тепловозы, уступая место более современным электровозам, а южные, наоборот, прощались с электрической тягой, чтобы принять на себя силу дизельных двигателей. Эта постоянная смена локомотивов обеспечивала работой всю деревню, прилегающую к станции. Доходы были скромными, но стабильными, позволяя жителям не только покрывать текущие расходы, но и делать накопления для будущего детей — на образование, на приобретение жилья. А кто-то всю жизнь посвящал своему участку, превращая его в настоящий оазис с пышными клумбами и плодоносящими деревьями.

Солнечная линия, однопутная и безмятежная, тянулась к станции Лесная, а оттуда — в село Зелёное. Некогда эти места были центром лесозаготовок, и нескончаемые товарные поезда увозили древесину. Но эпоха сменилась, лесорубы ушли из-за массовых лесных пожаров, и грузовой поток иссяк. Теперь по этой ветке раз в неделю курсировал лишь пригородный поезд да несколько вагонов, которые местный маневровый локомотив отвозил на погрузку мебельной продукции. Село Зелёное обязано своим существованием мебельной фабрике, и лишь эта тонкая ниточка железной дороги, связывающая его с внешним миром, удерживала фабрику от закрытия и село от опустения. Между Лесной и Подсолнечной находилась ещё одна станция — Солнечная, давшая имя всей линии.

На станции Солнечной имелось лишь одно строение — для дежурной по станции, и один жилой дом. В нём проживала Зинаида Петровна, женщина с нелёгкой судьбой, бывшая дежурная, вышедшая на пенсию более десяти лет назад. С тех пор постоянного сотрудника так и не нашли, и дежурные со станции Подсолнечная поочерёдно, на недельный срок, отправлялись туда для несения службы. Но об этом я поведаю позднее. А пока вернёмся к станции Подсолнечная.

Здесь жизнь текла размеренно, каждый день был предсказуемым и понятным, словно отражение предыдущего. Но однажды эта идиллия была нарушена. Произошло нечто, что

навсегда изменило представление о реальности для того, кто стал свидетелем. Это нечто, как мне рассказал машинист, началось с самой обычной рабочей смены на станции. И вот здесь-то и начинается самое интригующее

Глава 1

Катерина Морозова. Это имя, словно тихий вздох, несло в себе всю тяжесть её жизни. Спокойная, трудолюбивая, она была воплощением той тишины, которая предшествует буре. С Николаем они познакомились семь лет назад, когда он, машинист тепловоза, приехал в их маленькую деревню в командировку. Искра, вспыхнувшая между ними, казалось, обещала долгую и счастливую жизнь. Сыграли свадьбу, но годы шли, а детского смеха в их доме так и не появилось.

Николай, очарованный местной красавицей, остался. Но время, этот неумолимый художник, начало менять его. Сначала редкие застоля с друзьями, потом всё чаще и чаще. "Белый змей" – так Катерина про себя называла его новую страсть – медленно, но верно вытеснял из их жизни всё остальное. Работа машиниста, его гордость и источник дохода, была потеряна. Обещания Николая, звучавшие так искренне, разбивались о реальность, как хрупкое стекло.

Катерина любила его. Любила той глубокой, всепоглощающей любовью, которая не ищет выгоды. Но эта любовь, изъеденная годами разочарований, начала превращаться в молчаливую, глухую ненависть. Мысли об уходе приходили часто, но куда? Дом, где они жили, был её единственным наследством от родителей, ушедших слишком рано. А попытки намекнуть Николаю на его неспособность изменить свою жизнь лишь вызывали новую волну обещаний, которые, как она знала, никогда не будут выполнены.

Её жизнь была привязана к расписанию станции. График работы – день, ночь, отсыпной, выходной. И раз в месяц – командировка на станцию Солнечная. Эти поездки были для неё глотком свежего воздуха. Работа, хоть и не приносила радости, была стабильной. Коллеги, с которыми она не ладила, и начальница Маргарита Ивановна, вечно ищущая повод для придиорок, создавали свой собственный, маленький ад. Но даже этот ад казался лучше домашнего.

В один из вечеров, когда наступала ночная смена, Катерина, как обычно, готовилась к работе. Несколько бутербродов, пакетики чая, две шоколадные конфетки – скромный запас для долгой ночи. Она бросила взгляд на Николая, спящего на диване, его лицо было искажено гримасой усталости и, возможно, сожаления. Затем, тихо, чтобы не разбудить, вышла из дома.

Тропинка, не скошенная уже давно, вела к калитке. Закрыв её за собой, Катерина не спеша пошла в сторону станции. Её жизнь, словно густой туман, окутала её своей беспросветностью. Улыбка давно покинула её лицо, а слёзы высохли. Оно стало камнем, на котором не отражались ни радость, ни горе.

Подойдя к зданию дежурных, она поднялась на третий этаж. Там, как всегда, её уже ждала Маргарита Ивановна, готовая встретить её очередным упрёком. Катерина, с каменным лицом, вошла в кабинет, готовая к очередному дню, который, как и все предыдущие, будет наполнен тишиной и невысказанной болью.

— Катя, ну сколько можно! Опять опоздала, — резким голосом встретила Маргарита, не отрываясь от бумаг.

— Но моя смена начнётся только через двадцать минут, — ровно ответила Катерина, ставя сумку на стул и вешая куртку в шкафчик. Внутри всё кипело, но голос оставался спокойным.

— Тебе сколько раз повторять? Сегодня Светлана работала, у неё трое детей, ей нужно уйти пораньше. Я же не могу за вас делать вашу работу! — Маргарита наконец оторвалась от бумаг, села за пульт дежурной и ответила машинисту по рации.

— Но у меня тоже есть свои дела: дом, муж, — возразила Катерина, подходя к пульта. Она знала, что это бесполезно, но не могла промолчать.

Закончив разговор, Маргарита отодвинула микрофон и с ехидной улыбкой посмотрела на Катерину. «Дорогуша, какой к чёрту муж? Неужели он сам не может сходить в магазин

за бутылкой? А твой дом, если его ещё можно так назвать, скоро развалится. А у Светланы многодетная семья». Маргарита сделала паузу, встала и продолжила: «хотя тебе этого, видимо, не понять. Распишись в журнале и приступай к работе».

Катерина молча взяла ручку. Рука дрогнула, когда она выводила фамилию. Каждое слово Маргариты было ударом, но она привыкла. Привыкла к этой ежедневной пытке, к колким замечаниям, бьющим точно в цель, обнажая самые глубокие раны.

Маргарита уже почти вышла, но у двери остановилась и добавила: «Может, это и не мое дело, но Николай тебе явно не пара».

Дверь закрылась с легким шелчком, оставляя Катерину в тишине. Тишине, тяжелее любого шума, наполненной невысказанной болью, горечью и отчаянием.

Катерина заняла место за пультом и проводила взглядом Маргариту Ивановну. Невольно по ее щекам потекли слезы. Еще минуту она смотрела в пустой дверной проем, пока звуки рации не вернули ее к реальности.

— Дежурный, машинист Фролов, табельный сорок два пятьдесят четыре на пятом пути, готов пробовать тормоза, – раздалось из динамиков.

— Понятно, машинист Фролов на пятом пути готов пробовать тормоза, дежурная Морозова, – ответила Катерина. Работа началась, временно унося ее от бытовых забот, нелюбимого мужа и людей, которым, казалось, не давала покоя ее беспомощность и равнодушие ко всему окружающему.

Смена, на удивление, проходила спокойно. Сбоев в графике движения поездов не было, словно сам швейцарский часовщик наладил работу станции. Катерина чувствовала себя в такие моменты особенно умиротворенно. Где-то глубоко в душе она была романтиком, и эти редкие моменты тишины и порядка были для нее настоящим подарком.

Каждый раз, когда солнце всходило из-за горизонта, она подходила к окну. Видела, как первые лучи освещали станцию, отражались от блестящих рельсов, как провода контактной сети проявлялись из мрака, словно тонкие нити, сотканные из света. Пение птиц, пробивающееся сквозь гул далеких поездов, лишь добавляло этому мгновению особенной романтики, которой так не хватало Катерине в ее будничной, хоть и ответственной, работе.

Это утро не стало исключением. Небо было облачным, но именно мягкие, пушистые облака придавали рассвету особую, нежную прелесть. Катерина держала в руках шоколадную конфету, ее сладкий аромат смешивался с запахом крепкого чая, остывающего в любимой кружке на подоконнике. Она уже готова была погрузиться в тихую созерцательность, когда шаги по лестнице и недовольное ворчание Маргариты Ивановны нарушили утреннее спокойствие.

— Катя, срочно собирайся, — ворвалась Маргарита и, не дожидаясь ответа, села за пульт. — У Надежды заболела мама, да еще и собака должна щениться. Пригород отправляется через двадцать минут, в Солнечный ехать некому. Иди, я доработаю.

Катерина сжала конфету, пытаясь собраться с мыслями.

— Маргарита Ивановна, но у меня нет с собой вещей, я ничего не приготовила, не готова ехать сейчас. Тем более, я не предупредила Николая, — попыталась возразить она. — Да если честно, у меня были другие планы.

— Катя, хватит мне тут голову морочить, — не отрывая взгляда от пульта, ответила Маргарита. — Скажи, что тебе нужно купить в магазине, и я попрошу путейцев — они привезут тебе с Зеленого. У них как раз сегодня по станции плановое окно.

Она протянула Катерине листок с ручкой. Девушка хотела отказаться, но духу на большее не хватило. Она понимала: Маргарита не отправит пригородный поезд, пока Катерина не сядет в вагон, а любая задержка пагубно влияет на работу станции и зарплату. Маргарита Ивановна с легкостью свалила бы этот инцидент на Катерину.

Взяв листок, Катерина быстро написала список необходимых продуктов. Оставив его на краю пульта, она накинула куртку и взяла сумку. Шаги ее были быстрыми, но в душе царил легкая тревога — не столько из-за неожиданной поездки, сколько из-за того, что она оставляла позади уют и привычный ритм утра.

Пригородный поезд состоял из двух поездных единиц — маневрового локомотива и одного плацкартного вагона. Вагон, как всегда, был практически пуст: два пассажира, Катерина и небольшая группа путейцев, следующих на «окно» на станцию Лесную. Проходя мимо них, Катерина немного успокоилась: они действительно ехали на плановые работы, и у них будет возможность зайти в магазин, купить продукты и передать их ей, когда будут возвращаться обратно. Но смелости уточнить у них у нее не было — она понимала, что Маргарита Ивановна еще не просила их об этом, и скорее всего передаст информацию через дежурную станции Лесная. Вдруг бы они отказали Катерине, а у Маргариты был особый авторитет.

Катерина села возле окна практически пустого вагона. Ночная смена, вымотавшая ее до предела, казалось, пыталась убаюкать снова, но мелькающие за окном деревья, сменяющие друг друга пейзажи, были слишком яркими, чтобы поддаться дремоте. Внезапно резкий скрежет тормозов вернул ее в реальность. Поезд остановился. Табличка на здании, тускло освещенная фонарем, гласила: «Станция Солнечная». Пора выходить.

Обычно смена дежурных проходила тихо и буднично, по месту. Но сегодня все было иначе. На перроне, уже с вещами, стояла Лариса Дунаева, ее сменщица.

— Катя, здравствуй! — раздался противный, скрипучий голос Ларисы ещё до того, как Катерина успела спуститься на перрон. — «Я поехала к брату в Зелёное, тебе захватить чего на обратном пути?»

Катерина, ещё не до конца пришедшая в себя, ответила:

— Нет, спасибо. Маргарита Ивановна позаботилась об этом.

— Ясно, — Лариса кивнула, словно ожидая такого ответа. — Я забыла передать: там перегорела последняя лампочка в дежурке, и на пульте не все лампочки горят. Сделай заявку, чтобы со следующим пригородом отправили механика.

Она уже почти скрылась в вагоне, но тут же вернулась, добавив:

— С водой тоже проблемы, придётся ходить на колодец к старухе Зине, но у неё в последнее время с головой не всё в порядке. Я вроде сделала заявку водянникам, проверь, пожалуйста.

Катерина проводила взглядом Ларису, которая, словно сбросив с себя все заботы, шла по вагону, оставляя их, как незваных гостей, на Катерине.

— Эй, мы сегодня будем отправляться? — раздался возмущённый голос машиниста, высунувшегося из окна манерного локомотива.

Катерина, улыбаясь, положительно махнула головой и быстрым шагом направилась к дежурке. Ей предстояло открыть выходной сигнал светофора. Прозвучал пронзительный свисток, и поезд, оставляя Катерину наедине с её новыми проблемами, отправился в путь. Солнечная станция погрузилась в тишину, нарушаемую лишь шелестом ветра и отдалённым гулом уходящего поезда.

Сбросив куртку на привычное дежурное кресло и поставив сумку на край пульта, который казался игрушечным рядом с гигантским «Подсолнечным», Катерина решила осмотреться. Несколько раз щёлкнув выключателем, она с досадой обнаружила, что свет в дежурке не загорелся.

Пройдя в небольшую столовую, Катерина огляделась. Электрическая плитка, чайник, раковина, холодильник, кухонный стол с двумя стульями — вот и весь скромный набор. Открыв крышку чайника, она увидела, что он пуст. Подойдя к раковине и повернув кран, Катерина не удивилась — воды, как и следовало ожидать, не было.

Ещё одна комната — спальня. Кровать, тумбочка, шкаф, книжная полка, два окна и русская печь. Зимой тепло поддерживалось именно благодаря ей, ведь электрические автоматы не

выдерживали большой нагрузки, и все высокопотребляющие приборы приходилось включать по очереди.

Пригородный поезд обратно отправлялся в восемнадцать шестнадцать. Катерина решила выспаться. Она легла на кровать прямо в одежде, закрыла глаза, но сон не спешил окутать её. Тревога, словно с новой силой, начала свою атаку. Катерина открыла глаза, уставившись в потолок, лёжа на спине, сложив руки на груди. Несколько слёз скатились по щекам, и сквозь размытый, акварельный взгляд она снова закрыла глаза, пытаясь погрузиться в сон.

Резкий звук радиации мгновенно разорвал тишину. Катерина открыла глаза. За окном уже сгущались сумерки. Взгляд на часы, висевшие над дверью, поверг её в ужас: восемнадцать пятнадцать.

Она вскочила с кровати и бросилась в дежурку.

— Дежурный по станции Солнечная, это машинист поезда девять тысяч двадцать второго, ответьте! — доносился уже разъярённый голос машиниста из динамика радиации. Катерина схватила микрофон, пытаясь унять дрожь в руках. — Дежурная Морозова, слушаю вас, машинист поезда девять тысяч двадцать второго», — сонным, но старательно бодрым голосом ответила она.

— Вы собираетесь меня принимать на станции? Я стою у входного сигнала светофора уже пятнадцать минут! — с ещё большим гневом заявил машинист. Его голос, казалось, проникал сквозь стены, обжигая Катерину стыдом.

— Да, конечно! — ответила Катерина, лихорадочно нажимая кнопки на пульте и строя маршрут поезду. Она чувствовала, как краснеют ее щеки, и была благодарна, что машинист не видит ее сейчас.

Поезд, наконец, прибывал на станцию, медленно ползя по рельсам. Катерина уже с нетерпением ждала свои продукты на перроне. Дверь вагона открылась, и на перрон вышли два путейца. Они закурили свои папиросы, не обращая никакого внимания на Катерину, словно она была невидимой. Поезд стоял двадцать минут, и Катерина, сгорая от нетерпения, подождала еще немного, прежде чем решиться войти в вагон.

Внутри, среди группы путейцев, уже сидела Лариса.

— Здравствуйте, а можно мне забрать свои продукты? — протягивая деньги, произнесла Катерина, стараясь говорить как можно вежливее.

— Какие продукты? — отвлёкся от какого-то обсуждения один из мужчин, смерив её недоумённым взглядом.

— Которые Маргарита Ивановна попросила вас купить для меня, — произнесла Катерина, и в этот момент до неё дошло: их никто ни о чём не просил. Маргарита Ивановна просто забыла. Или не посчитала нужным. Слёзы градом пошли по её щекам, обжигая кожу. Она была голодна, и теперь ещё и унижена.

— Эй, эй, успокойся, — встал мужчина с сидухи и подошёл к Катерине. Он искренне обнял её за плечи, пытаясь утешить. — «Расскажите, что случилось?»

— Маргарита Ивановна отправила меня в командировку, не предупредив заранее, и я не успела собрать с собой продукты. Она обещала вас попросить мне их купить, я ей список оставила, — продолжая лить слёзы, пояснила Катерина, чувствуя себя маленькой и беспомощной.

Мужчина повернулся к своим коллегам, те лишь пожимали плечами, явно ничего не зная. Лариса, до этого сидевшая, опустив глаза в пол, подняла их, признавая свою вину.

— Значит, так, — начал он, его голос был спокойным, но твёрдым. — Сейчас я возьму у тебя деньги, завтра на Лесную пойдёт дрезина, и тебе всё привезут. Вот тебе пирожки — он взял со стола пакет с ароматными пирожками и большую бутылку лимонада. — и лимонад. До утра протянешь. Такие красивые девушки не должны плакать.

Маргарита меня попросила купить продукты, но вы бы видели этот список! — произнесла она, её голос звучал оправдывающе. — Я бы в жизни не дотащила этот пакет до поезда, там на роту солдат продуктов: картошка, макароны, сахар Я, между прочим, не ишак».

Катерина почувствовала, как её сердце сжалось от обиды. Значит, Маргарита Ивановна всё-таки попросила, но Лариса просто отказалась. И теперь Катерина осталась без еды, в чужом месте, из-за чьей-то лени и безответственности. Слезы потекли с новой силой, смешиваясь с горечью и разочарованием.

Мужчина осуждающе посмотрел на Ларису, но не стал ей ничего говорить.

— Значит, так, — начал он, его голос был спокойным, но твёрдым. — Сейчас я возьму у тебя деньги, завтра на Лесную пойдёт дрезина, и тебе всё привезут. Вот тебе пирожки — он взял со стола пакет с ароматными пирожками и большую бутылку лимонада. — и лимонад. До утра протянешь. Такие красивые девушки не должны плакать.

От таких слов первый раз за несколько лет у Катерины на лице появилась улыбка. Она смотрела на мужчину как на рыцаря, который спас её из-под заточения огнедышащего дракона. Его слова, его жест — всё это было так неожиданно и так искренне. Она взяла пакет с пирожками и лимонад, не могла оторвать взгляда от его лица, в котором читалась доброта и какая-то внутренняя сила.

Лариса, почувствовав неловкость ситуации, покашляла: «Катя, я думаю, нам пора отправляться».

Катерина вернулась из очарования мужчины и, не пряча улыбки, покинула вагон. Она пошла в дежурку, чтобы открыть выходной сигнал светофора, но в душе уже было совсем другое настроение.

Пирожки, которые ей оставил мужчина, казались ей самыми вкусными, что она ела в своей жизни, а лимонад — самым сладким. В них была не только еда, но и забота, внимание, которого ей так не хватало.

Мужчина действительно её не обманул. Утром, когда дрезина проходила станцию, следуя на плановые работы в Лесное, ей передали пакет. Помимо продуктов, которые она писала в списке, там лежала большая плитка пористого шоколада. Первый раз Катерина почувствовала, что хоть кто-то о ней смог позаботиться и проявить жест внимания, которого ей сейчас так не хватало. Этот маленький, но такой значимый поступок незнакомого человека согрел её душу и дал силы двигаться дальше, несмотря на трудности и чью-то безответственность.

Катерина основательно подготовилась: сварила суп, наварила макарон, нажарила целую гору домашних котлет. Еды хватит теперь на оставшиеся шесть дней, но вот за водой на колодец приходилось ходить днём — ночью даже на улицу было страшно высунуть нос.

Второй командировочный день подходил к концу. Выполнив все бытовые дела, Катерина наконец присела в тусклом помещении дежурной по станции, возле пульта. Единственным источником света был уличный фонарь. Она поставила кружку с чаем на пульт, с улыбкой открыла плитку шоколада и, отломив несколько кусочков, приготовилась к своему любимому вечернему ритуалу. Но тут раздался неожиданный звонок. Катерина, отложив шоколад и отодвинув кружку, подняла трубку.

— Дежурная станции Солнечная, слушаю, — произнесла она.

— Что у вас там происходит? — с привычной суетой поинтересовался диспетчер.

— У нас? У нас всё спокойно, — ответила Катерина.

— Сходите проверьте, у меня показывает занятость у вас на путях со стороны Лесного. Если это снова сбой, я немедленно отправлю вам механика, — протараторил диспетчер, бросив трубку в своей обычной манере.

Катерина взглянула на пульт. Лариса была права: не все лампочки горели. Тусклый свет индикаторов едва пробивался сквозь пыль, оседающую на стекле, словно станция сама по себе медленно погружалась в забвение. Но тут один из секторов неожиданно вспыхнул красным,

пронзительно ярким пятном, сигнализируя о присутствии поезда на путях. Или, как предположил диспетчер, это могла быть ложная занятость.

Сердце Катерины забилося быстрее, отбивая нервный ритм в ночной тишине. Ночь на станции в глуши всегда была испытанием, проверкой на прочность, а тут ещё и эта неопределённость, этот красный огонёк, словно зловещий глаз, наблюдающий из темноты. Вдруг это дрезина возвращалась с работ, а её просто не предупредили? Такое случалось, особенно когда диспетчера забывали передать информацию по смене. Она накинула старую куртку, взяла тяжёлый, надёжный фонарь и вышла на перрон.

Холодный, влажный воздух обнял её, пробираясь под одежду. Вдалеке, на изгибе пути, показался слабый свет. Медленно, словно призрак, приближался поезд. Фонарь прожектора был немного тусклее, чем обычно, его луч казался размытым, не таким резким, как у обычных локомотивов.

— Точно дрезина, — подумала Катерина и, чтобы не мешать, отошла в сторону, прижимаясь к стене станционного здания.

Звуки приближающегося состава нарушали тишину, но они не были похожи на привычные для Катерины. Не было того мощного, ровного гула дизеля, не было характерного стука колёс по стыкам рельсов. Вместо этого доносился какой-то странный, ритмичный лязг, сопровождаемый шипением и тяжёлым, размеренным пыхтением. И действительно, когда состав прибыл к перрону, Катерина замерла от неожиданности.

Это был самый настоящий паровоз. Старый, чёрный, с блестящими медными деталями, он казался пришельцем из другой эпохи. Из его трубы валил густой пар, окутывая перрон призрачной дымкой. К паровозу был прицеплен старый двухосный вагончик для перевозки пассажиров. Его деревянные стены были обшарпаны, краска облупилась, а окна казались слепыми глазами.

Катерина осветила фонарем паровоз, потом вагон, в котором горел тусклый, желтоватый свет. Ей показалось, что внутри сидел лишь один человек — проводник или сопровождающий. Его силуэт был едва различим за грязным стеклом. Он не пошевелился, не выглянул, словно не замечая её присутствия.

Прозвучал длинный, пронзительный свисток, эхом отразившийся от стен станции. Пар ударил вверх, окутав паровоз белым облаком. Колёса с небольшой пробуксовкой скользнули по рельсам, издавая скрипучий звук, и он отправился дальше, медленно набирая ход.

Катерина стояла, провожая поезд взглядом, пока паровоз с вагоном не растворились в ночной тишине. Что это было? Сон? Видение? Или просто старый, забытый поезд, который по ошибке занесло на эту забытую станцию? Она вернулась в дежурку, сердце всё ещё колотилось, но уже не от страха, а от странного, необъяснимого чувства, словно она прикоснулась к чему-то давно ушедшему, к отголоску прошлого, который на мгновение ожил в этой глухой ночи. Лампочки на пульте перестали гореть красным, и Катерина решила вызвать диспетчера.

— Диспетчер, это дежурный станции Солнечная, — доложила Катерина, и её голос прозвучал немного неуверенно в тишине ночи.

— Да, Солнечная, вижу, всё погасло. Спасибо за работу, механика отправлю вам завтра день. Конец связи, — отрезал диспетчер, и Катерина услышала характерный щелчок брошенной трубки.

Катерина не решилась повторно набрать номер. По его сухому ответу она могла лишь предположить, что диспетчер сам забыл о том поезде, который, возможно, проследовал в музей или на какие-то другие, неведомые мероприятия. Допив остывший чай, Катерина отправилась спать, стараясь забыть о небольшом, но странном инциденте.

Утро выдалось пасмурным и серым. В чайнике не оказалось воды, и Катерина решила прогуляться до колодца. Взяв с собой чайник и пустое ведро, она вышла на улицу. И тут же замерла: на скамейке, что стояла на перроне, сидела женщина.

Катерина поспешно захлопнула дверь, оставила ведро и чайник у порога и направилась к незнакомке. Подойдя ближе, она узнала её — это была Зинаида Петровна. Женщина сидела, устремив взгляд прямо перед собой, и крепко сжимала в руках что-то, очень похожее на старый проездной билет.

— Зинаида Петровна, доброе утро, а я к вам за водой собралась. Вы, наверное, ошиблись, пригородный ходит у нас по вторникам, а сегодня уже четверг, — вежливо произнесла Катерина, стараясь не нарушить её задумчивость.

— Много лет назад мне выпала огромная удача, и я посетила одно очень интересное место, — начала женщина, не поворачиваясь к Катерине. Её голос звучал тихо и размеренно. — Мой билет — это шанс вновь попасть туда. Я каждый день думала повторить своё путешествие, но, видно, моя нерешимость и годы взяли своё, и, наверное, мне это уже не нужно. А вот на вашем месте, Катерина, я бы не упустила такого шанса.

Женщина аккуратно положила билет на скамейку, а сама, опираясь на свою палочку, медленно двинулась в даль перрона, к узкой тропинке, которая вела к её дому.

Катерина осталась стоять, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. На скамейке, прямо перед ней, лежал старый, пожелтевший билет. Она подошла, взяла его в руки. На нём не было никаких надписей, только едва различимый, словно стёршийся от времени, узор, напоминающий переплетение звёзд.

Катерина замерла, провожая взглядом удаляющуюся фигуру. На скамейке, прямо перед ней, лежал старый, пожелтевший билет. Она подошла, взяла его в руки. На нём были написаны станция назначения, время отправления, путь, номер поезда и что-то ещё, на что Катерина совсем не обратила внимания. Её привлёк едва различимый, словно стёршийся от времени, узор, напоминающий переплетение звёзд.

Вдалеке из дежурки раздался звонок телефона. Катерина, словно очнувшись, быстрым шагом вернулась.

— Станция Солнечная, Морозова, слушаю, — ответила она, голос звучал ровно.

— Дрезина вышла с Лесной, там механик ШЧ. Как закончит проверку, можно будет отправлять, — прозвучал деловой голос диспетчера.

— Да, диспетчер, понятно. Ожидаем дрезину с Лесной, — ответила Катерина и положила трубку. Пожелтевший билет она прикрепила магнитом к краю пульта, словно сохраняя его.

Прибывший механик, мужчина в возрасте, старой закалки, с ловкостью принялся за работу. Он разобрался с водой, заменил перегоревшие лампочки в дежурке, восстановил работу пульта и проверил всё оборудование.

— Спасибо вам огромное! Я бы без вас совсем растерялась, — благодарила Катерина, протягивая мужчине пакетик с домашней едой.

— Доченька, спасибо тебе, конечно, за заботу. Но тебе еда здесь нужнее, магазинов-то поблизости нет, — мягко ответил мужчина.

— Может, тогда чаю? Вода теперь есть, я сейчас чайник поставлю, — предложила Катерина, пытаясь удержать его.

— Там ребята в дрезине ждут меня, домой хотят. Давай в следующий раз. В Подсолнечном зайду к тебе, ты меня чаем и угостишь, — пообещал он.

Катерина улыбнулась, кивнула и проводила механика. Поезд отправился, оставив её наедине с тишиной и собственными мыслями. Чётко выполненная работа, ровный гудок уходящего состава, ощущение контроля над стальной машиной — эти моменты не приносили полного умиротворения. Они были лишь временным лекарством, помогающим держаться на плаву. Половина командировки, три дня, уже позади. Мысли о возвращении домой, к мужу, в объятия Маргариты, терзали её, не давая покоя.

Приступив к вечернему чаепитию, Катерина налила в чашку кипятка с пакетиком чая, когда снова зазвонил телефон.

— Дежурная станции Солнечная, слушаю, — произнесла она, уже предчувствуя очередную проблему.

— Видимо, опять сбой занятости со стороны Подсолнечного, проверьте, пожалуйста, — бросил трубку диспетчер, не дожидаясь ответа.

Катерина вздохнула. Сбой занятости. Она решила не покидать дежурку, а наблюдать дистанционно. Перекрыв выходные сигналы, на пульте чётко отобразилось движение поезда. И вот уже знакомый паровоз с одним вагоном стоял на перроне.

Катерина подошла к окну, рассматривая освещённый уличным фонарём состав. Вдруг её взгляд зацепился за что-то необычное. На борту вагона, чуть ниже окна, был нарисован небольшой, но отчётливый звёздный символ. Катерина подняла магнит с пульта, взяла билет, на котором был аналогичный символ. Точно такой же!

Это уже не было простым совпадением. Недавно подавляемое любопытство вспыхнуло с новой силой. Что это за поезд? Почему на нём такой странный символ? И почему он оказался на билете, который оставила Маргарита Петровна?

Катерина, не раздумывая, накинула свою куртку. Холодный осенний воздух тут же обнял её, но она не чувствовала его. Её тянуло к поезду, словно невидимая нить. Она вышла на улицу, и, как по волшебству, дверь вагона, на котором был нарисован символ, открылась. Билет в её руке словно пульсировал, притягивая её внутрь. Катерина была уверена, что поезд без неё не отправится. Это было иррационально, но она верила в это всей душой.

Она вошла в вагон. Внутри её встретил высокий мужчина — проводник в сильно потрёпанной железнодорожной форме. Она была из далёкого прошлого, совсем не похожая на современную: плотная шерсть, латунные пуговицы, выцветшие нашивки. — Ваш билет, пожалуйста», — сказал проводник. Его голос был низким и спокойным, словно шелест старых страниц.

Катерина протянула билет, внимательно разглядывая проводника. Его глаза были глубокими, с морщинками в уголках, словно он видел многое. Вагон освещался тусклыми лампочками, отбрасывающими мягкий, желтоватый свет. Всё выглядело потрёпанным, но чистым, веяло спокойствием и непринуждённостью, словно время здесь текло по-другому.

— Присаживайтесь, ваше место номер один, — проводник показал рукой в конец вагона.

Катерина приняла это за игру, за какой-то странный, но увлекательный спектакль. Она решила продолжить. Присев на своё место, она обнаружила перед собой небольшой столик, на который проводник положил надорванный билет и предложил выпить чай. От чая Катерина отказалась, и проводник скрылся в одном из тамбуров, оставив её наедине со своими мыслями.

Она огляделась. Вагон был пуст, кроме неё. Когда Катерина решила выйти из вагона и проследовать в дежурку, чтобы доложить диспетчеру о странном поезде, она сама не заметила, как он отправился. Поезд уже выехал за пределы станции, набирая скорость, унося её в неизвестность.

Катерина прильнула к окну, пытаясь разглядеть хоть что-то в кромешной тьме за стеклом. Огни станции давно исчезли, уступив место бескрайнему чёрному полотну, лишь изредка прорезаемому редкими огоньками, словно далёкими звёздами. Поезд мчался вперёд, его мерный стук колёс убаюкивал, но Катерина не могла расслабиться. Её сердце колотилось в груди, предвкусывая что-то необычное.

Немного постояв в проходе, она решила найти проводника. Эта шутка уже переходила все границы. Но, пройдя в тамбур, она никого не обнаружила. Дернув за ручку стоп-крана, Катерина не добилась нужного эффекта — поезд продолжал своё движение. «Дальше Лесного не уедем», — шепотом успокоила себя Катерина и вернулась на своё место. Ночь за окном и тусклый свет вагона погрузили её в сон, не оставив ни единого шанса сопротивляться.

Глава 2

Катерина медленно открыла глаза. Голова её была прислонена к окну. Не отрывая головы, она внимательно рассматривала незнакомое место. Поезд стоял на пустом вокзале. Более десяти перронов, и все были пусты. Ни единого поезда, ни одного человека. Катерина медленно вышла из вагона. Дверь, словно по волшебству, закрылась за ней, и поезд почти бесшумно отправился, оставляя Катерину в полном одиночестве.

Катерина посмотрела сперва в конец перрона. Он казался бесконечным и скрывался в полной темноте. С другой стороны возвышалось большое, старое здание вокзала, состоявшее практически из одних запачканных окон. Она неспешно пошла в его сторону.

Пустота и тишина начали пугать. Было такое ощущение, что здесь абсолютно не было людей. Войдя в здание, её встретил огромный зал. Её шаги эхом отражались от стен, а Катерина медленно шла, рассматривая незнакомое место.

Неожиданно впереди появился силуэт женщины, который со звуком быстрых, уверенных шагов приближался к Катерине. Сердце Катерины замерло. Она остановилась, вглядываясь в темноту, пытаясь различить черты незнакомки. Шаги становились всё громче, и вот из полумрака выплыла высокая, стройная фигура в старомодном костюме.

— Ну наконец-то, мы уже вас ждали, — голос женщины был низким и мелодичным, но в нём слышалась какая-то странная отстранённость. Женщина развернулась и пошла обратно, не дождавшись, пока Катерина последует за ней. Услышав, что та не двигается, она остановилась, повернулась и, слегка повернув голову назад, бросила взгляд, который ясно давал понять: идти нужно именно за ней.

Катерина слегка качнула головой и, собравшись с мыслями, пошла вслед за женщиной.

Они шли по пустым, почти безжизненным коридорам, где эхом отдавались их шаги. Стены были покрыты облупившейся краской, а тусклый свет ламп едва освещал путь. Наконец они подошли к винтовой лестнице, которая вилась вверх, словно змей, ведущий к вершине здания.

Поднявшись на самый верх, Катерина оказалась в помещении, напоминающем диспетчерский центр. Здесь работали более двадцати человек, сосредоточенно глядя в журналы и пульта управления. Женщина провела Катерину к большому пульту, стоявшему перед огромным окном. За стеклом раскинулись железнодорожные пути и перроны, а чуть правее возвышалась башня с часами, которые показывали ровно восемь сорок пять.

Итак, время восемь сорок пять, через пятнадцать минут начнём, — прозвучал голос женщины, и все, словно по команде, заняли свои места. Она присела рядом с Катериной и подвинула к себе микрофон. — Надеюсь, хоть сегодня обойдёмся без задержек, — добавила она с лёгкой усмешкой.

Катерина отвлеклась на женщину, и в этот момент платформы начали заполняться пассажирами. Вокзал словно вдохнул жизнь — люди спешили, разговаривали, искали свои места.

— Итак, приготовились, — скомандовала женщина и открыла журнал с графиком прибытия и отправления поездов. Катерина взглянула на страницы и с ужасом заметила, что суточный график был сжат в один час — все поезда должны были прибыть и отправиться в течение этого короткого промежутка времени.

— Уважаемые пассажиры, поезд номер пятнадцать прибывает на седьмой путь, восьмая платформа, левая сторона, отправление через две минуты. Поезд номер — начала зачитывать женщина записи из журнала.

Катерина, не задавая вопросов, рисовала маршруты на пульте, строго соблюдая получаемую информацию. Имя женщины оставалось для неё загадкой.

Сначала всё шло относительно спокойно, но уже через десять минут график полностью сбился. Пассажиры в панике бегали с одного перрона на другой, весь журнал был перечёркнут, и никто не понимал, что будет дальше. Но, несмотря на хаос, все продолжали работать, словно это была обычная рабочая обстановка.

Катерина поняла, что попала в мир, где порядок и хаос идут рука об руку, где каждый день — борьба с непредсказуемостью, а спокойствие — лишь иллюзия, которую поддерживают благодаря слаженной работе команды. И, несмотря на страх и неуверенность, она продолжала вместе с ними.

Час пролетел незаметно, словно песок сквозь пальцы. Когда последний поезд, оставляя за собой лишь гулкое эхо и лёгкий запах машинного масла, растворился в темноте, женщина резко встала. Её рука взметнулась вверх, словно дирижёрская палочка, и резкий, властный голос прорезал тишину:

— Артур, срочно отчёт!

Молодой мужчина, чьи плечи были уже согнуты под тяжестью бесконечных бумаг, словно по команде, метнулся между столами, держа в руках длинный, исписанный строчками листок. Женщина, не отрывая взгляда от окна, где гасли последние огни, взяла отчёт. Её пальцы, тонкие и нервные, скользнули по строчкам, и она начала зачитывать, её голос звучал сухо и безжизненно:

— Сегодня мы задержали двадцать четыре поезда: семь по прибытию, семнадцать по отправлению. Сто сорок девять пассажиров оставили свои жалобы. Да, раньше мы работали немного лучше

Она резко повернулась, её взгляд остановился на Катерине, которая, казалось, застыла в углу, словно невидимая.

— А вы, Зинаида, раньше работали намного лучше! — бросила она, её голос был полон обвинения.

Катерина вздрогнула, словно её выдернули из сна.

— Я не Зинаида, я Катерина, — поправила она, её голос был тихим, но твёрдым.

Женщина нахмурилась, её глаза сузились.

— Катерина? А где же тогда Зинаида? И что же вы здесь тогда делаете? — возмущённо произнесла она, словно столкнулась с немыслимым нарушением всех законов мироздания.

— Зинаида Петровна отдала мне свой билет, а я совершенно случайно, не желая этого, воспользовалась им, — ответила Катерина, пытаясь сохранить спокойствие, хотя сердце её колотилось где-то в горле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.